

Свет

Рванный альбом, как время, назад листаю.
Слабо сияет прошлого тусклый след.
Что утонуло, а что на плаву осталось,
Откуда тьма и откуда явился свет?

Стыдно писать: обычное самое детство.
Наголо брили меня, обзывали лысой башкой.
Печку топили зимой, чтобы сварить и согреться,
И за водой далеко ходили пешком.

А за дорогой, где я не была ни разу,
Чудился замок, в котором принцесса жила.
(Там оказалась типичная маслосырбаза.
Я заходила туда по каким-то делам.)

Кажется, в детстве было сплошное лето.
Кошки облезлые бегают во дворе.
Помню, как папка котят утопил в туалете,
Я их достала и мыла в помойном ведре.

А в это ведро я выливала водку —
Детский протест во имя родного отца...
Всё понапрасну... Вот я, чёрная, сбоку,
А это — мама-вдова, от слёз не видно лица.

Свет изнутри, природа его неизвестна.
Свет впереди — из тьмы и проблесков детства.

Картаней (Бабушка)

Домик холодный, сохнут растения,
Ветер во все щели.
Стол деревянный, брусчатые стены —
Всё в этом доме священо.
Дом этот очень похож на бабуся,
Старенькую картаней.
Я не могу без смущенья и грусти
Даже подумать о ней.
Вечно в работе, вечно в движенье
Сердце, как старая печка.
Длинная жизнь с народным сюжетом —
Плодоносящая вечность.
Хлеб ароматный на доли разрежем,
Вспомним фамилию, имя и отчество.
Знаю, простишь ты и внучку заезжую
За непростительное одиночество.
Хочешь — надену татарское платье,
Выброшу курево, джинсы, рубаху...
Бабушка, милая, что же ты плачешь? —
Лучше молись за меня Аллаху!

Я люблю этот шум последнего зимнего ветра,
Он из глубы небес вырывает младенца-весну.
Пусть она пролетит в темноте заплутавшей кометой
И успеет в глаза возвышающим светом блеснуть.

Я глотну этот всполох и вновь зашагаю в осень
По обугленным листьям и непроходимым снегам,
Разгребая дорогу нездешней мечтою, как тростью,
Этот свет сохраню и обратно небу отдам.

Птицу в руках держала —
Спелую, белую!
Знала,
Ей в небе дом, и надо бы отпустить.
Милость — не видеть со стороны,
Что же я делаю.
Густо растут на берегу кусты.

Чувство моё! Улетай,
Но оставь хоть следышек,
Чтобы дышать,
Чтобы было с чем дальше жить.
Счастлив парящий,
Ползучих смертей не ведающий.
В юных высотах ему навсегда кружить!

Ночной ветер

Шумят, шевелятся, колеблют небо
Шелковые деревьев шлейфы.
Шуба, широко распахнутая,
Насквозь прошитая мягким шилом
Ночного ветра.

В окне зашторенном
Шумит невидимо
Иль шепчет что-либо...
Ночная муха
В душах шарится,
Едва касается
Ночного слуха

Вот-вот коснётся,
И всё поймётся.

Пенициллином и манной кашкой,
Скомканным носовым платочком —
Ребёночек пахнет ночной рубашкой,
Мокрой яблонькой в белых цветочках.

В больнице не было одеяла,
В мае уже не топили трубы,
И я ребёночка согревала
Махровым халатом и тёплой грудью.

За окнами бился и злился ливень,
Стёкла зубами стучали громко,
И не было никого счастливей
Меня и моего ребёнка.

Весна

Солнце жадно пьёт из лужи —
За зиму оголодало,
Языком шершавым сушит
Снег прогорклый и проталый.

Новые ресницы клеит
Веткам, плачущим от счастья.
Оживают и полнеют
Рек затёкшие запястья.

Провалились улиц щёки,
Солнце сытое окрепло
И весь день сметает щёткой
Снега грязные отрепья.

Ты спишь, моя радость,
В подушку уткнувши нос.
Тебе посылаю
Я стаю
Смешных стрекоз.
Пускай полетают
И крыльями пошебуршат,
Стрекочут, лопочут,
Касаются и смешат...
В загадочных сферах
Их водянистых глаз
Немыслимо вверх
Увидишь открытый лаз.
Там в мягких берёзах
Округлый есть водоём.
Мы тоже стрекозы —
И солнечно нам вдвоём!

Если б знать, где ты ходишь большими ногами,
Оставляя следы белых ботинок,
Я дрожала б, как двоечник, сдающий экзамен,
Я бы спряталась в куст, в листву, в паутину.

Я сидела б на корточках, как заправский воришка,
Я бы слёзы фуражечкой вытирала,
Воровала б твоё отражение с риском,
Что опять мне окажется этого мало.

(Я увиделась с ним, он прочёл мне нотации:
«Вы смутили меня своей экзальтацией.
У вас что-то не так по части морали,
Вы меня аморальностью замарали».)